

Мария Барыкова

Наследник
пепельной
собаки

Мария Барыкова

Наследник пепельной собаки

«Автор»

2017

Барыкова М.

Наследник пепельной собаки / М. Барыкова — «Автор», 2017

Сказка о детстве и взрослении щенка ирландского сеттера – лауреат премии ЗООарт-2017 – написана для того, чтобы любой ребенок мог понять: детство собаки немногим отличается от его собственного, оно ставит перед ним такие же сложные вопросы, заставляет выбирать между добром и злом, и каждое правильное решение делает его взрослее и лучше. Кроме того, прочитав эту сказку, маленький читатель научится разбираться в породах собак и их особенностях, немного узнает собачий язык и уже никогда не обидит того, кто «одной крови» с ним самим.

© Барыкова М., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Барыкова

Наследник пепельной собаки

Джедаю – прекраснейшему нашему счастью

Пролог

Бесконечная ночь

Это случилось в давние-давние времена.

Синие горы закрывали горизонт. Где-то неподалеку глухо ворчала река, и там то и дело раздавались тяжелые шаги – это шли на водопой неведомые звери. Под большим деревом, невидимые в ночи, стояли два существа, похожие одновременно и на собак, и на медведей. Ростом они были как первоклашки. От густой шерсти шел жар, словно от печки.

– Ещё рано, – прорычал, наконец, первый.

– Смотри, будет поздно, – ответил второй, правда, совсем неразборчиво, потому что в зобах у него сверкала, как драгоценный камень, огромная кость.

– Надо, чтобы никто не увидел и не учуял, – напомнил первый и вывалил фиолетовый язык.

– Да куда им! – прохрипел второй. – Не родится на земле такое животное, чтобы смогло учуять. Да и вообще, чем дальше, тем нюх у них будет хуже и хуже – так что, беспокоиться нечего. Начинаем!

Оба существа, неслышно ступая на подушечки лап, вышли из-под дерева на поляну. Луна отразилась в их горящих глазах, и зрачки запылали красным светом. С этого момента все вокруг знали, что на поляну лучше не выходить: здесь страшные амфиционы – медведесобаки, которым не страшен ни один обитатель прибрежных лесов и болот. Топот на водопое умолк, и даже река перестала напевать свою вечную песню.

Сначала огромные собаки долго рыскали кругами, суживая их все туже, а потом, как по команде, сели и задрали лобастые головы к небесам. Раздался вой, от которого в лесах, озерах и на полях вмиг замерло все живое. Насекомые и птицы остановились прямо в полете, хищники перестали гнать добычу, мирные твари застыли с пучками травы во рту, и даже рыбы словно окаменели в холодной воде.

И еще дважды повторился этот леденящий душу звук. Это медведесобаки, самые мудрые животные на земле, объявляли о том, что они заняты делом, и потому ни одно животное не должно им мешать. Иначе – мгновенный удар могучей лапы, сверканье клыков, и от наглеца не остается ничего, кроме безжизненного комочка шкуры.

Но вот, прислушавшись к наступившему молчанию, амфиционы встали друг напротив друга и, слегка ударившись лбами, погрузили передние лапы в жирную влажную землю. И в следующую секунду фейерверк комьев полетел во все стороны света.

Наконец сверкающая кость упала на самое дно огромной ямы.

И даже из глубины она засияла так ярко, что сидящим по краям нового оврага медведесобакам показалось, что оттуда смотрит сама луна...

И тогда амфиционы развернулись и мощными ударами задних лап зарыли яму. Некоторое время они сидели неподвижно, и только тяжелое дыхание говорило о том, что они живы.

– Никто, – прорычал, наконец, первый.

И эхом ему ответил второй:

– И никогда.

– Прости меня, друг.

– И ты меня. Но воля богов должна быть исполнена.

В тот же миг медведесобаки бросились друг на друга и сцепились в смертельной схватке. Серая шерсть летела во все стороны вперемешку с каплями крови.

Через десять минут на болотистой поляне лежали два мертвых тела, но еще долго никто из обитателей равнин не смел подходить к этому проклятому месту.

Миновали годы, десятилетия, века и даже эпохи. Давно не стало на свете не только амфиционов, но и пришедших им на смену пепельных, торфяных и бронзовых собак. Давно собачье племя стало веселым, мирным и перестало наводить ужас на окружающих. На месте древней таинственной битвы раскинулся лес. Потом лес поглотило болото. Потом болото сменила степь, затем снова лес, который вот-вот уже должно было опять поглотить болото. Но наступили наши времена.

И в наши времена это древнее заповедное место облюбовало для жительства племя охотничьих собак, которые и основали страну Хундарику – настоящую страну собак. Именно в этой стране и произошли не так давно удивительные и замечательные события, о которых ты прочитаешь дальше.

Глава первая

Вкусны ли градусники?

Наказанный Рёдмиран Ибсен сидел в углу и тихо скулил, изредка постукивая по полу совсем еще голым хвостом – прутиком.

Рёдмиран Ибсен было его полное имя, но, конечно, никто его так не называл; все обращались к малышу просто – Родя. Полным именем называл его только отец, да и то лишь, когда сердился. В таких случаях он поднимал шерсть на загривке и морщил нос. А порой даже хватал Родю за шкуру и тыкал влажным носом в висящую на стене пеструю картину.

На картине было изображено огромное дерево, с которого, словно спелые яблоки, свисали собаки. Называлась картина совершенно непонятно – родословное дерево. Но от древа этого почему-то не пахло ничем живым, а только противной старой краской.

Потом Честер, отец Роди, обычно сажал сына перед собой и долго внушал ему, что они, ирландские сеттеры, самая красивая, самая благородная и, главное, самая умная порода на свете. А он, еще даже толком не одевшийся шерстью малыш, позорит ее по десять раз на дню.

– Пора положить этому конец! – рычал раздосадованный Честер, задирая морду к потолку.

А Родя обычно слушал отца и смотрел в окно, за которым с писком бегали недавно вылупившиеся цыплята. Поймать такого цыпленка было верхом героизма, тем более что подобные вещи строго запрещались и жестоко наказывались.

Но цыпленок – это еще что! Гораздо интересней было, например, подраться с кирпичом или вывалиться в коровьей лепешке, которая так соблазнительно пахнет. А позавчера Родя, играя в войну, в клочки разодрал выходной комбинезон отца. А вчера вылил на гусыню весь шампунь матери, который она берегла, как зеницу ока, и мылась им только перед выставками. А сегодня...

Папы все еще не было дома, а мама, как обычно, вертелась перед зеркалом. Родя, чтобы привлечь к себе внимание, снова постучал хвостом по полу, на этот раз посильнее, так, что ему даже стало больно.

Какая несправедливость! У взрослых сеттеров хвост богато одет шерстью и образует красивый подвес – настоящее перо! А у него... И называется-то даже не хвостом, а унижительным словом «прутик».

– Мама! – заныл Родя. – Мама, ну, почему у тебя «перо», а у меня «прутик»?

Красавица Виа Вита даже не повернула головы от зеркала, в котором рассматривала белое сердечко у себя на груди.

– Мама, ну, почему соседский спаниель Крам дразнит меня лягавым? – не унимался Родя. Но Виа Вита только презрительно фыркнула в ответ.

– Мама, а если пролотить утиное яйцо, то правда, утенок, когда вылупится, исщиплет тебе все внутренности?

– Замолчи! Вот скоро придет папа, и я все расскажу ему!

После такой угрозы Роде уже ничего больше не оставалось, как свернуться колечком и мечтать о будущих битвах.

Но грезы его были недолги. Скоро вернулся с охоты Честер, и мать сразу же рассказала ему все.

– Ты представляешь, что на сей раз устроил твой дорогой сын? Отец пришел лишь с одним вальдшнепом и потому был весьма недоволен. Он с остервенением выкусил пару колючек из хвоста и заворчал, приподнимая собачьи губы – брыли. Ничего хорошего это не пред-

вещало. Родя постарался распластаться на полу и стать незаметным, но это удавалось плохо. Кончик прутика так и трясся помимо его воли.

– И что же?

– Он съел градусник!

Действительно, Роде ужасно нравилось смотреть, как красный столбик, если приложить его к носу, поднимается до одной черточки, а если засунуть под хвост – то гораздо выше. Это казалось каким-то волшебством. И Родя как природный экспериментатор решил проверить, что будет, если сунуть стеклянную палочку поглубже в пасть. Он так и сделал, но в этот момент, к несчастью, мимо пролетела бабочка, Родя судорожно сглотнул, зубы лязгнули, градусник переломился и оказался у Роди в животе.

Он в ужасе прибежал к матери. Но Виа Вита ничуть не испугалась, а, наоборот, оттаскала его за холку и забросила прямо в угол, заявив, что собакам от этого ничего не делается, а вот термометра они теперь лишились навсегда.

Честер поднял шерсть уже не только на загривке, а по всей спине, больно ткнул Родю носом в воняющее старой краской дерево и прорычал:

– Что, вкусно было?

– Нет, страшно, – жалобно пропищал Родя.

Честер же ничего не ответил, но, вдруг став каким-то скучным-скучным, лег, скрестив передние лапы перед собой.

– Всё. Хватит. Завтра же отдаю его в натаску, – наконец выдохнул усталый отец.

Глава вторая

Рыжий ужас Хундограда

Услышав такие слова, Родя от страха заметался по квартире и даже сделал небольшую лужу. Это было уже верхом неприличия, поскольку собачьи полгода равны семи годам человека – а что это за первокласска, который дует в штаны! Виа Вита брезгливо отвернулась, а Честер и вообще вышел вон.

Натаска! Какое ужасное слово! Наверное, это что-то совсем страшное! На улице щенки всегда пугали друг друга этой натаской, а уж натасчиком еще больше. Натасчиком был ветеран охоты, рыжий Буран, чьи раскосые глаза наводили ужас на молодняк всего Хундограда.

Говорили, что он одним клыком может пропороть шею, одним взмахом челюсти откусить непослушному уху, одним ударом лапы сломать прут...

Родя трусливо оглянулся на свой дрожащий прутик и забился поглубже под диван, где молча протрясся целую ночь. Однако все было напрасно. Наутро Честер выволок его все за тот же прутик на свет божий и вывел на улицу. Они шли долго-долго, пока не пришли на самую окраину города, где стоял одинокий домик Бурана, похожий на сарай.

– Вот, привел вам моего беспутного баламута, – и Честер толкнул Родю прямо к пасти Бурана.

Родя так и онемел от ужаса и обиды: ведь на языке охотников «беспутный баламут» означает бестолкового и непригодного к работе пса.

– Ладно, разберемся, – проворчал Буран и, схватив Родю за холку, отвел его за сарай.

Там уже дрожало несколько щенков, начиная от крошечной кроличьей таксы по имени Страшный Зверь Ежевика, и заканчивая приятелем Родя курцхааром дель Донго. «Хорошо ему без хвоста-то! – завистливо подумал Родя, всегда раньше немного презиравший Донку именно за отсутствие пятой конечности. – Никто не потянет и не откусит!»

– Ну, что, дурачьё? – хрипло пролаял Буран. – Начнем, а? Вопросы есть?

Щенки искоса переглядывались, но молчали из страха перед неизвестным. И только избалованная Ёжа пискнула из-за спин:

– А вы кто, лайка или шпиц?

Буран смерил ее презрительным взглядом и сильнее закинул за спину хвост в три кольца.

– Просто лаек не бывает, запомни! Бывают карело-финские, восточно-сибирские, ненецкие, эскимосские и прочие, и прочие, и прочие, общим числом двадцать.

Все с уважением переглянулись – такого количества родственников, похоже, не было больше ни у кого.

– Мы распространены по всему Великому Полярному Кругу и не нуждаемся в людях. Не то, что вы, несчастные синантропы!

Родя вскинулся. Из разговоров родителей и гостей он уже знал, что синантропами называются те, кто так или иначе живет рядом с людьми и без них жить уже не может.

– Ледяшка несчастный! – лайкнул он и тут же получил увесистый тычок прямо в нос.

– Отставить разговоры! Двое со мной, остальным лежать! – Щенки начали сбиваться в кучу, давя и толкая друг друга. – Что, ковыряльщики голомысы, испугались?! – вдруг весело пролаял натасчик. А затем, ткнув лапой в шевелящуюся кучу, Буран грозно гаркнул: – Идешь ты и ты! – и выхватил из шевелящейся сопящей кучи огрызавшегося Родю и дрожащую пятнистую Пипистреллу – пойнтера. – Вперед, восьмерками марш!

Про какие восьмерки идет речь, они не поняли, но оба щенка, для поддержки касаясь друг друга плечами, робко побежали вперед. Постепенно волшебный мир полевых запахов охватил их, кружа неопытные головы и заставляя громко биться еще непуганые по-настоящему сердечки.

Глава третья

Живая веревка

Увлеченный новыми запахами, Родя давно потерял из вида не только Пипу, но и Бурана. И чего он боялся? Натаска оказалась совсем не страшным, а, наоборот, очень увлекательным делом. Вокруг порхали невиданные бабочки, мельтешили бесчисленные муравьи, шуршали невидимые мыши. Но все это было ерундой по сравнению с теми неизвестными запахами, которые властно манили его и вели за собой, как магнитом. В этих запахах чудились Роде увлекательные погони и кровавые битвы, из которых он обязательно выходил победителем.

Внезапно густая трава впереди как-то странно покачнулась, замерла и снова заволновалась, удаляясь зигзагом. Родя вздохнул всей грудью и встал в стойку, инстинктивно подогнув левую переднюю лапу. Неужели это она – первая добыча?! Он горделиво облизнулся. Вот он какой! И не нужна ему для того, чтобы охотиться, никакая натаска и никакой учитель! Он и сам все знает, недаром породистый! Гордость так и распирала Родю, однако он все-таки на всякий случай потянул носом, как перед этим учил его Буран.

Странно. Никакого запаха не было. Или почти не было. А трава впереди продолжала шевелиться с каждой секундой все дальше. Уйдет ведь, уйдет! Родя затрясся, но все еще не решался броситься вперед. Отсутствие запаха ужасно смущало его.

Он воровато оглянулся. Место было совсем незнакомое, где-то гудела река, а вдалеке темнели дубы. Тут вдруг Родя представил, что добыча просто так уйдет в лес – и решился. Неслышно крадучись на мягких лапах, он продвинулся вперед на несколько метров и застыл перед последним решительным броском. Приготовились – и...

Но в тот момент, когда он уже летел в воздухе, готовый приземлиться и вонзить зубы в добычу, наперерез ему буквально из ниоткуда пронеслась огненная молния. Получив внушительный удар по носу Родя с визгом упал в траву. А в следующее мгновение рядом раздались с одной стороны отвратительное шипение, а с другой – сдавленный рык.

Моргая короткими ресницами, Родя с ужасом увидел, как Буран изловчился и, мгновенно ухватив за кончик какую-то черную веревку, подкинул ее высоко вверх, а затем в падении ловко перекусил.

Пораженный Родя уставился на две шевелящиеся половинки странной веревки, не понимая, что происходит. Потом посмотрел на Бурана, но тот спокойно отвернулся.

– Ты что же устроил, а? По кому заложился? А если б не я? Что бы я сказал твоему родителю?

Однако в голосе Бурана почему-то не было злости. Родя осмелел и попытался сбивчиво рассказать Бурану о своей первой охоте.

– Все это чушь, моркотня. И по всем правилам натаски тебя следовало бы вздуть хорошенько, чтоб не лез, куда не надо. – Родя покорно сунул прут между ног, опустил зад и понурился. – Но уж больно славно ты шел, носом в землю не тыкался, одним верхним чутьем работал, мерзавец. Да-а, богатое у тебя чутье, давно такого не видывал.

Родя снова оживился.

– А можно я теперь подойду к этой веревке, понюхаю?

Но в ответ он получил мощную затрещину когтистой лапой.

– Веревку! Ишь, знаток. Я тебе понюхаю! Да она тебя может еще так понюхать, что рядом с ней ляжешь! А на будущее запомни: это не веревка, а змея. Как увидишь, беги от змей, обходи их стороной, и мой фокус, что видел, повторить не пытайся. У вашего брата, легавых, такое не получится, так только мы, лайки, можем делать.

И Буран, не оборачиваясь, затрусил прочь.

А Родя обиделся и решил, что как только выдастся свободная минутка, непременно вернется сюда и потренируется с этой дохлой веревкой.

Глава четвертая

Таинственный запах

Однако после этой первой охоты Буран никуда не отпускал Родю одного, а на ночь запирали всех щенков – однокорытников – в свой сарай. Да и гонял он Родю больше других, так что ночами тот падал прямо на кучу товарищей и, едва подвалившись к шелковому боку Пипистреллы, мгновенно проваливался в мертвый сон.

Так проходили дни за днями. Родя давно уже знал, что такое ходить восьмерками. Это означало бежать сначала в одну сторону, потом в другую. Еще это называлось – ходить челноком. Лучше не придумаешь средства обыскать всю поляну.

Знал он уже и запахи разных птиц, и зверей, и трав. И скоро ему показалось, что учиться больше уже нечему. Родя начал скучать.

Но вот однажды ночью, когда розовая луна стала совсем похожа на букву «С», Родя проснулся от странного ощущения. Перекрывая теплый сонный запах товарищей, в ночном воздухе разливался какой-то неуловимо тонкий запах. Родя дернул кончиком носа и прикрыл глаза, пытаясь понять его.

Запах не говорил ни о куропатке, ни об утке, ни даже о зайце. Родя напрягся и вспомнил, что даже запах змеи был явственнее, ярче, чем этот. И вдруг воспоминание о том солнечном дне отчетливо ожило в нем, и он подумал, что сейчас самое время сбегать на ту далекую поляну. А уж в том, что он найдет ее, Родя не сомневался ни мгновения.

На всякий случай он растолкал дель Донго и продышал ему в висячее ухо:

– Пошли со мной, есть местечко, где можно отлично позабавиться. Пошли, а? – Все-таки идти одному в ночь было страшновато.

Но Донька только повел мутным со сна глазом и задержал лапами, явно предпочитая смотреть свои немудреные собачьи сны. О Пипистрелле и говорить было нечего – разве можно брать на такое дело девчонку!

В конце концов решившись пойти один, Родя неслышно пролез через узкую лазейку в стене, сделанную, вероятно, еще прошлым набором юных охотников, и оказался в кромешной черноте.

Однако через пару минут чернота эта ожила и заговорила разнообразными запахами и звуками, совершенно ясными Роде и совсем непонятными человеку, поскольку собака различает запахов в сто раз больше. И глаза ему теперь оказались совершенно не нужны.

Через полчаса уверенного бега он был уже на знакомой поляне перед дубами. Увы, змея оказалась давно обглоданной полевыми мышами и старательно дочищена трудолюбивыми муравьями. Тренироваться было не на чем.

Родя обиженно сел и завыл, глядя на розовую и тоже как будто бы обкусанную луну. Он выл, но в то же самое время слышал, как торжественно шумят дубы и как величаво журчит река – казалось, они все вместе поют какую-то прекрасную древнюю песню. И вдруг до носа Роди снова долетел тот самый слабый запах, что разбудил его. Но теперь запах этот оказался значительно сильнее.

Родя вскочил и заметался челноком, как положено взрослой легавой собаке. Как ни странно, суживающиеся петли восьмерок привели его снова к змеиному скелету. Что за розыгрыш?!

Родя отшвырнул тонкие косточки и первый раз в жизни ткнулся носом в землю. Да, запах явно шел оттуда. Как же он сразу-то не сообразил этого?!

Не долго думая, он бросился рыть, помогая себе зубами.

Скоро вся его голова уже скрылась в яме, и только тогда он обнаружил, что роет не один. Рядом с упоением трудилась крошечными кривыми ножками Ежвика.

– Ты что, Ёжка-пустобрёшка? Брысь отсюда! Не таксово это дело.

– А вот как раз и таксово, таксово! Мы ведь норные. А тебе за то, что роешь, Буран так надаёт... если скажу. Вам, сеттерам, рыть категорически запрещено!

Родя от досады аж выплюнул набившуюся в пасть землю.

Ёжка, конечно права: последнее дело, если легавая начнет землю рыть. За это ее прозовут могильщиком и навсегда лишат права охотиться. И что теперь прикажете делать с этой мелочью? Ведь прогонишь – нажалуется, как пить дать, нажалуется!

– Ладно, давай... помогай, – важно разрешил он, и обе головы снова скрылись в яме.

Но не успели они углубить яму еще на голову, как чуткое ухо Роди услышало приближавшийся топот четырех пар ног. Спешили явно к ним. Роде совсем не хотелось оказаться застигнутым на месте преступления. Мало того, что удрал, еще и рыл! Позора не оберешься.

– Бежим! – хакнул он, едва не откусив Ёжке голову.

И они быстро скрылись в высокой траве.

Глава пятая

Ленивая охрана

Родя и Ежовика залегли в небольшом овражке, предварительно пробежавшись немного по встретившемуся им ручью, чтобы сбить с толку преследователей.

– А чего ты рыл-то? – спросила неугомонная Ёжка, едва они отдышались. – Ведь там ни кролика, ни мышей нет, я же чую.

– Не твое дело, – огрызнулся Родя, подумав, что все равно не сможет ничего толком объяснить. Он знал только, что какой-то странный незнакомый запах, оставшийся у него в мозгу, все продолжал дразнить и мучить его. – И вообще, тихо. Лежи и слушай, может, сейчас чего-нибудь узнаем.

Дальнейшее, хотя и происходило от них достаточно далеко, благодаря отличному слуху обоих выглядело совершенно ясным.

К разрытому ими месту выскочили два добермана в блестящих ошейниках и, вывалив красные языки, плюхнулись прямо в рыхлую землю.

– Я же говорил вам, лейтенант, давно пора поставить охрану непосредственно здесь! – задыхаясь, пробурчал тот, что потолще.

– Да сюда уже сто лет никто не заглядывал, капитан! Это, небось, подопечные старого Бурана разгулялись.

– Так разыщите их, лейтенант, и мы влечем ему такой штраф... – Старший доберман смачно клацнул челюстями.

– По мне, так лучше придушить, чтобы другим неповадно было. И тогда – тогда сюда долго больше никто не заберется! Опять можно будет особо не напрягаться.

Родя и Ёжа так и вжались в мокрую от росы траву. Взрослому доберману ничего не стоило разыскать двух полугодовалых щенков и...

– Бежим дальше! – пропищала Ёжка и уже заковыляла прочь.

– Лежать! – Родя, как взрослый, схватил ее за холку. Не все так просто с этим местом, и не зря, наверное, что-то выгнало его сегодня ночью из сарая старой лайки. Зато теперь он узнает все! Родя затаил дыхание и снова прислушался, стараясь не обращать внимания на проклятого комара, впившегося ему в самую тюпку носа. Только кончик хвоста нервно подрагивал взад-вперед.

– ...если вам не лень, лейтенант, – донеслось с поляны. – Однако светает, и роса. Ладно, поставьте сюда отдельный пост – и дело с концом. А старому болтуну Бурану прикажите как следует наказать своих ученичков.

Послышался энергичный хлопок ушами, означавший готовность исполнить приказание, и, позвякивая ошейниками, доберманы, стали удаляться.

– Ну, вот, – заныла Ёжка, – как мы теперь вернемся? А я есть хочу, и холодно...

– Сама навязалась... на мою голову. Все, теперь нам дороги назад нет.

– И что же делать?

– Докапываться до истины.

Ёжа некоторое время задумчиво задней правой лапкой чесала левое ухо, отчего стала похожа на свернувшуюся гусеницу.

– Тогда я уж точно от тебя не отстану, потому что копать – мое прямое дело.

Родя с сомнением покосился на Ёжины короткие лапки.

Далеко с ней не уйдешь. Вот если бы на ее месте был неутомимый Донго, который, честно признаться, может бежать куда дольше любого сеттера да еще с тяжестью в зубах! Или уж хотя бы красотка Пипистрелла с ее уникальным слухом пойнтера! А эта гусеница...

Но выхода у него не было.

Глава шестая

Чудовище тонкое и чудовище толстое

Они потрусили к реке. Уже занимался новый день, не суливший двум щенкам ни крова, ни еды, а только густую, как заросли камышей, неизвестность. Однако сердце Родя билось звонко и весело: он, наконец, понял, чем пахло то, что выманило его сегодня в ночь. Это был запах приключений.

Они потрусили на юг, прочь от сарая, прочь от своих однокорытников, натасчика и родителей. Бежать было интересно. Запахи плыли в воздухе, переливаясь один в другой и создавая удивительные сочетания. По этим запахам можно было читать, как по книге. А поскольку Родя чуял верхом, а Ёжа низом, то и книга перед ними раскрывалась в два раза больше и увлекательней.

Вот куропатка провела выводок птенцов, а вот старый лисовин лакомился перепелиным яйцом, а вот гуляла свадьба диких кроликов. А вот и реальный кролик несется им наперерез, заложив уши назад.

Не чувствуя над собой крепкой хватки Бурана, Родя и Ёжка одновременно взвизгнули «Лови!» и бросились за добычей.

Кролик на секунду присел, резко развернулся и помчался куда-то вбок. А пока щенки неуклюже разворачивались, мимо них пронеслось что-то огромное и узкое.

Правда, спустя пару минут оно вернулось и с лаем набросилось на Родю. Ежовику оно, видимо, и вовсе не заметило.

– Веду его на щипце, вощёком на цветке, а ты! Я собака досужая, еловку брала, а уж этого листопадника... А ты, ты, мороватый!.. – возмущенно кричал высокий и тощий незнакомец.

Родя сидел, прижав уши, и не понимал ни слова. О чем толкует этот красивый пес с выгнутой, как у злобной кошки, спиной и роскошной шерстью? Чего он от него хочет?

– Извините, пожалуйста, – пропищала Ёжа из-за Родины спины.

– Извинением не позавтракаешь. – Пес оскалил огромные клыки, и Роде представилось, что сейчас он позавтракает ими обоими. Хорошо еще, что слова незнакомца стали вроде немного понятнее.

– Вы, конечно, шутите, – снова посунулась Ежовика.

Пес поставил уши коньком и вывалил длиннющий розовый язык.

– Ха-ха-ха! – залился он. – Шучу! Конечно, не шучу! Надо же мне позавтракать!

И не успел Родя опомниться, как тощий незнакомец схватил Ёжку поперек туловища и, не спеша, направился в сторону небольшого леса.

– Вы что?! Отдайте немедленно! Она же маленькая! Она невкусная! – Ополумевший Родя бежал, тычась лбом под задние локти похитителю, но тот не обращал на него никакого внимания. Длинная морда странного незнакомца с Ёжей во рту, казалось, только улыбается. – Да она же чистокровная! – выложил Родя последний, самый главный, по его мнению, аргумент.

Но незнакомый пес только прибавил шагу. Ежовика отчаянно заголосила. И тогда Родя, зажмурившись, вцепился в заднюю ногу вора своими острыми как иголки молочными еще зубками.

Пес аж подпрыгнул от неожиданности, рывкнул и выронил Ежовику. В следующее мгновение его острая сухая пасть, в которой полностью поместилась бы голова средней собаки, нависла над Родей. Большие навывкате глаза смотрели не мигая. Еще секунда и...

Но тут со стороны леса, куда неизвестный тащил Ежовику, послышался ровный мерный гул тяжелых лап. Все трое приподняли уши, и шерсть на трех холках угрожающе зашевелилась. У Роди же поднялся не только загривок, но и часть шерсти на попе.

«Барсук», – подумала такса, «Росомаха», – мелькнуло у сеттера, «Медведь», – решил неизвестный пес.

Но, представив каждый самого страшного для себя зверя, все трое оказались неправы.

К ним медленно приближалось что-то мощное, с огромной головой, в складках которой едва виднелись крошечные глазки. Ниточка слюны свисала с губ и раскачивалась в такт шагам.

Шесть ушей трусливо прижались к головам.

Однако чудовище со шкурой, как у льва, и мордой в шрамах замедлило шаг и грузно плюхнулось рядом.

– Вы что это здесь устроили, обормоты? – с укором просипело непонятное чудовище. – Разве вы не знаете Главного Закона Охоты? Мир и доверие. Ох, и молодежь пошла... – закончил он и потрянул головой, отчего на всех троих посыпались остатки гречневой каши и крошки мяса.

А в следующее мгновение длинномордый тощий незнакомец вдруг подобрался и в два прыжка исчез.

– Слава Богу, что этот одр исчез, – проворчало ему вслед новое чудовище.

– А что это за одр? – поинтересовался Родя.

– Мизгирь, – брезгливо буркнул толстяк. А затем поспешно добавил: – Позвольте представиться. Я – Алекс Мудрый, бульмастиф. А вы, молодые люди, откуда будете?

Глава седьмая

Загадочный язык

Выслушав историю Роди, Алекс надолго прикрыл глаза и погрузился в молчание. Он лежал в полной неподвижности, только тихо шевелились складки у него на лбу, да чуть подрагивал сломанный на конце хвост.

Наконец, он заговорил.

– Так чего же тебе теперь хочется больше, юный ирландец: вернуться домой, избежав наказания, или узнать тайну пустынного луга?

Родя в смущении замотал своим голым прутом и склонил голову набок. Вернуться домой, конечно, хорошо, но тайна, удивительный запах, который, кажется, никто, кроме него, не чувствует... А вдруг ему предстоит великое открытие? Бесценный клад? Власть над всей Хундарикой? Вот уж он тогда покажет соседскому овчару Зольду, который тоже дразнил его лягавым!

– Конечно, узнать тайну! – наконец, коротко пролаял он и даже встал в стойку, демонстрируя готовность ко всему на свете.

– А если вы такой мудрый, то вдруг можете помочь Родьке раскрыть тайну этой никому не нужной ямки? – снова влезла в мужской разговор настырная Ежевика. – А сначала вы, может быть, раскроете нам тайну того, кто же это тащил меня во рту и что за чепуху он говорил Родьке.

Алекс Мудрый заколыхался от смеха всем своим огромным телом.

– Да, я открою вам эту тайну, малышка. Вам повстречалась русская борзая – собака удивительная. Она предназначена для бега, потому что у нее сильные длинные ноги, великолепные легкие, острое зрение. Вся ее жизнь – в охоте. Без охоты собаки равнодушнее борзой вы ни за что не найдете во всей Хундарике.

– Равнодушнее! Ничего себе, равнодушнее. Чего ж она тогда так ругалась? – возмутился Родя.

– Вы испортили ей охоту – за это можно было поплатиться и жизнью. Борзая, одна из немногих собак, которая может справиться даже с волком.

– Ого! С волком! – притих Родя.

– И все-таки, чего она говорила-то? – не унималась Ёжка.

– О, у борзых свой, особенный язык. Его понимают только посвященные. Они все говорят по-своему. У них даже хвост – не хвост, а правило, морда – не морда, а щипец, глаз – не глаз, а зазор.

– Подумаешь, у меня тоже не хвост, а перо! – влез Родя.

– У тебя пока еще прутик, – сердито оборвал его Алекс. – Ну, и все вокруг у них называется по-другому: звери, леса, движения. Понимают их только сородичи – афганские и арабские борзые, салюки, тазы, грейхаунды. И еще, как ни странно – крошечные левретки.

Родя почесал морду. Эх, как много – и не запомнишь. То ли дело мы, сеттера: всех нас только трое, ирландские, английские да шотландские. А тут...

– Ага! Значит, она нам сказала... Она сказала... – забормотала Ёжа.

– А сказала она вот что: «Преследую я зверя, едва не касаясь его мордой, кончиком носа уже достаю до зайцевого хвоста. Я собака опытная, ловила даже тех лисиц, что скрываются в еловых лесах, а уж такого молодого зайчишку, который только осенью родился, и подавно поймала бы. А ты, дурак, неповоротливый в работе пес, все испортил!»

Родя и Ёжа задумались. Здорово, значит, свой собственный язык иметь! Как бы и самим такой придумать!

И, словно читая их простенькие щенячьи мысли, Алекс добавил:

– Но есть и общий для всех собак язык. Он не сложный, вы сейчас сразу все и запомните. Шерш – ищи, куш или, как теперь модней говорить, даун – лежать, тубо – нельзя, апорт – принеси. Запомнили? Ну, и хватит на первый раз. А сейчас побалуйте-ка меня, старика, поймайте мне мышей с десяточек, ведь мышь для нашего брата собаки – просто витаминная бомба. А я заодно посмотрю, чему успел научить вас старина Буран.

Глава восьмая

Зловещие хердеры

Родя и Ёжа справились с задачей совсем неплохо, чему очень помогли удивительный нюх первого и трудолюбие второй.

Все трое уже весело обедали на свежей травке, как Родя вдруг забеспокоился.

– Но как же я открою тайну, когда там теперь охрана будет стоять?

Алекс Мудрый спокойно проглотил последнюю мышку.

– Путь к тайне никогда не бывает явным, – наконец, мудро произнес он. – Чтобы разгадать ее, тебе придется для начала семь раз одержать победу над самим собой.

– Как это – над самим собой? – не поверил даже своим длинным, шелковым, золотым ушам Родя. Поймать добычу, не послушаться родителей, подраться с врагом – это понятно, но как же драться с самим собой?!

– В этом-то и вся штука. Впрочем, одну победу уже можешь на свой счет записать.

– Это когда мы с ним обдурили Бурана и стражников? – блеснула глазами-бусинами Ежевика.

– Нет, когда Редмиран Ибсен, дрожа от страха перед неизвестным зверем, все-таки впился ему в ляжку. И этим он победил в себе страх. Страх – это первый наш враг. А впереди еще жадность, глупость, обидчивость, ложь, лень... Эх, кутёнок! – И Алекс, потянув к себе рыжее Родькино ухо, ласково пожевал его. – Учись, пока хвост прутом.

Родя даже зажмурился от удовольствия. Но вдруг даже сквозь эту блаженную ласку, которой Родя не видел от родителей уже несколько месяцев, он учуял, что в воздухе повисло что-то неприятное. Он глухо, почти неслышно, заворчал.

– Что с тобой? – хором спросили Ёжа и Алекс.

Эх, как же объяснить им необъяснимое? С них, конечно, вопроса мало. Ёжка – такса, у ее добычи запах такой, что за километр в глазах мутится от вони, а Алекс – собака служебная, ему гораздо больше нюха нужен слух... Где же им понять тонкий запах, нет, даже просто странное волнение, от которого напрягаются мускулы и зорче становится глаза!

– Тихо! – отмахнулся он прутом и весь погрузился в нюх.

А пахло с каждой секундой все отчетливей. Пахло злобой и опасностью. Причем, и то, и другое было направлено на него, на Родю.

Он ткнулся мордой в складки на огромной голове Алекса и прошептал так, чтобы не услышала Ёжа:

– Это за мной. Это даже не стражники, это – хердеры.

Алекс на минутку прикрыл глаза. Хердеры были своеобразной полицией Хундарики. Эти остроухие родственники немецких овчарок, с полосатой короткой шерстью отличались усердием и непримиримостью. Исполнение закона было для них превыше всего, и уж если за малышом послали их, значит, дело действительно серьезное. Что же такого мог раскопать этот задиристый юный ирландец?

Любопытство и смелость Роди понравились Алексу с самого начала, и он решил, что мальчишке надо дать возможность добиться своего.

– Спокойно, дети мои, – пробасил Алекс Мудрый. – Здесь недалеко есть одно местечко, где никому и в голову не придет искать ирландского сеттера. Идем!

И они, не теряя достоинства, двинулись в лес. Впереди шел величественный Алекс, похожий на льва и носорога одновременно, за ним семенила Ежевика, и замыкал процессию легкой поскачкой Родя.

Лес становился все темнее и гуще. У Роди уже просто кружилась голова от обилия тяжелых и неизвестных лесных запахов. Но в то же время он явственно чувствовал и запах хердеров, не отстающих от них ни шаг. И хотя расстояние между ними было никак не меньше трех километров, надо было торопиться.

Иголки кололи глаза, лапы проваливались в бочаги с водой, но троица упрямо продвигалась вперед. Только уже совсем уставшую Ёжу пришлось перекинуть через мощную спину Алекса, и она лежала там, как длинная коричневая тряпочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.